ЮВЕНАЛЪ



ОТЦЫ И ДѢТИ БОЛЬШЕВИЗМА

Невозможно не прийти соблазнамъ, но горе тому, чрезъ кого они приходятъ.
(Отъ Лука гл. 17).

Prix: 50 Piastres.

CONSTANTINOPLE

Русская Тип. Л. Бабокъ и Сынъ, Галата ул. Камондо, № 8.

1919

ЮВЕНАЛЪ

ОТЦЫ И ДѢТИ БОЛЬШЕВИЗМА

Невозможно не прійти соблазнамъ, но горе тому, чрезъ кого они приходятъ.
(Отъ Луки гл. 17).

Prix: 50 Piastres.

CONSTANTINOPLE

Русская Тип. Л. Бабокъ и Сынъ, Галата ул. Камондо, № 8.

1919

ПРОТИВЪ КРАСНАГО ИГА.

(вмѣсто предисловія).

Послѣ долгихъ мѣсяцевъ неслыханно-героической борьбы, Добровольческая Армія близится—теперь это уже очевидно къ завершенію своей великой задачи: къ освобожденію русскаго народа отъ *краснаго ига*, къ возсозданію Великой, Единой и Недѣлимой Россіи.

Ничего подобнаго *красному игу*, переживаемому Россіей въ первой четверти XX-*го* столѣтія, не знаетъ исторія народовъ.

Прежде всего *красное иго* (большевизмъ), въ которое логически-послѣдовательно вылилась „великая россійская революція" самый страшный видъ тираніи: *тиранія коллектива.*

Исторія знаетъ свирѣпыхъ тирановъ въ родѣ Калигулы, Нерона, Аттилы. Они совершали великія злодѣйства, но ихъ дѣйствія были ограничены ихъ собственной волей и не могли быть такъ широки, такъ многообразны, какъ злодѣйства, совершенныя по всѣмъ уголкамъ Россіи цѣлой системой мелкихъ тирановъ.

Кровавая эпоха Нерона являлась отраженіемъ его больной психологіи, носила личный характеръ цезаря-психопата.

Умиралъ Неронъ и съ нимъ прекращалась его эпоха. Но при тираніи коллективовъ, порождаемыхъ революціями, когда все населеніе дѣлится на два класса—одинъ, который надо истязать и уничтожить и другой, во имя котораго все дѣлается, система злодѣйствъ становится перманентной и безъисходной. Именно такой *перманентной* и стремилась

стать русская революція, увѣнчавшая свое „углубленіе" большевизмомъ.

Образъ правленія, который при ней образовался (каковымъ обыкновенно и завершались революціи) долженъ быть названъ не демократіей, а *охлократіей*, т. е. правленіемъ худшихъ.

Охлократія черпаетъ своихъ дѣятелей въ преступной средѣ, въ отбросахъ городовъ и деревень, среди аборигеновъ каторги и тюрьмы.

Имъ, подонкамъ великаго народа, всѣмъ этимъ дѣятелямъ „Рабоче-Крестьянскаго" правительства, комиссарамъ, предсѣдателямъ „комитетовъ бѣдноты", членамъ „чрезвычаекъ" не остается ничего другого, какъ держаться за этотъ порядокъ, при которомъ они „изъ грязи выплыли въ князи" и защищать его.

Въ этомъ и есть главное условіе сопротивляемости большевизма, благодаря которому онъ, проклинаемый всѣмъ русскимъ народомъ, еще держится на его многострадальныхъ плечахъ.

Красное иго не можетъ сравниться съ татарскимъ игомъ, потому что ни Батый, ни Чингисъ-Ханъ не разрушали до такой степени самыхъ элементарныхъ основъ человѣческаго быта.

Даже Батый не дерзалъ посягать на православную церковь, предоставляя русскому народу отправлять свои религіозныя потребности по своему обряду.

Даже баскаки (намѣстники) татарскаго хана-покорителя не уничтожали въ полоненныхъ ими русскихъ городахъ экономическаго благосостоянія и, собирая „ярлыкъ" (дань), все же позволяли купцамъ торговать, а трудовому люду заниматься своимъ свободнымъ трудомъ.

Красное иго воздвигло неслыханныя гоненія на церковь, уничтожило промыслы, торговлю, свободный трудъ,

замѣнивъ его тяжкой кабалой и обратило граждант „самой свободной въ мірѣ“ Россійской Федеративной Совѣтской Республики поголовно въ чиновниковъ, пригвожденныхъ къ хлѣбной карточкѣ „четырехъ категорій“.

По обилію пролитой крови, по богатѣйшей жатвѣ смерти—красное иго также не знаетъ соперничества въ исторіи. Ни гоненія на христіанъ въ эпоху Діоклетіана и Нерона, ни инквизиція, не отправили на тотъ свѣтъ такого количества людей, какое погибло за короткое время россійской революціи, начиная съ февраля 1917 года.

По преданію Иванъ Грозный приказалъ утопить въ Псковѣ 10000 человѣкъ.

По статистикѣ Чрезвычайной Комиссіи къ 1 января 1918 года однихъ разстрѣленныхъ насчитывалось 44 тысячи.

А сколько заморенныхъ отъ голоду семей „буржуйныхъ“ категорій!

Сколько безвѣстныхъ мучениковъ погибшихъ по произволу мелкихъ сатраповъ!

Въ одномъ Петроградѣ смертность вслѣдствіе голода и истощенія достигла чудовищной цифры 500 человѣкъ въ день, и городъ, насчитывавшій въ 1916 году около 3 милліоновъ жителей, нынѣ представляетъ изъ себя пустыню и насчитываетъ всего нѣсколько сотъ тысячъ еще не вымершихъ петроградцевъ.

Миссія Добровольческой Арміи не только русское дѣло—это дѣло мірового значенія.

Слѣпы тѣ иностранцы, которые заявляютъ, что „насъ не касаются русскія внутреннія дѣла“, что надо только „отгородиться отъ русской заразы“ и предоставить Россію ея собственной судьбѣ. По самому своему заданію большевизмъ—движеніе наступательное. Его цѣль охватить міръ, утвердить въ немъ новую жизнь на началахъ „*III* интер-

націонала", обратить всѣ государства, всѣ страны, всю землю въ сплошную Совдепію.

Безъ такого мірового распространенія—по признанію самого Ленина—прочное и длительное существованіе большевизма невозможно, ибо при современныхъ экономических условіяхъ государство не можетъ жить изолированно ото всѣхъ прочихъ государствъ и народовъ.

По этому то мы и видимъ. что важнѣйшимъ органомъ Совѣтской Республики, на который обращено все вниманіе совѣтскихъ владыкъ, на который безъ счета тратятся милліарды денегъ, является отдѣлъ международной пропаганды при комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ.

Весь мозгъ большевизма сосредоточенъ здѣсь. Самые образованные, самые способные совѣтскіе работники изощряются надъ распространеніемъ міровой заразы.

Ленинъ прямо говоритъ, что онъ придаетъ больше значенія пропагандѣ, чѣмъ красной арміи.

За примѣрами этой работы далеко ходить не приходится. Достаточно вспомнить о движеніи Спартаковцевъ въ Германіи, о правленіи Бела-Куна въ Австріи, о большевистскихъ комитетахъ въ Болгаріи. о дѣятельности Лонге и Кашэна во Франціи, о Маклинѣ въ Англіи, о Мартенсѣ въ Америкѣ, и мы поймемъ какъ настойчиво и упорно старается большевистскій спрутъ протянуть свои щупальцы по всему міру.

Страшно подумать о томъ, что было бы, если бы большевизмъ раздавилъ Добровольческую Армію и, воспрянувъ съ удесятеренными силами отъ такого успѣха, поползъ бы на Западъ, самымъ своимъ дыханіемъ разлагая всякое сопротивленіе...

Большевизмъ пользуется всѣми средствами, всѣми обстоятельствами и въ этомъ утилитаризмѣ Ленинъ, Чичеринъ, Раковскій и другіе проявили изумительное искусство. Ле,

нинъ воспользовался помощью германской монархіи для своихъ революціонныхъ цѣлей. Раковскій субсидировалъ петлюровцевъ 40 милліонами рублей и всячески способствовалъ *до поры до времени* украинскому движенію, разсматривая петлюровцевъ, какъ свой, большевистскій авангардъ.

Петлюра дѣйствительно сломилъ гетманство и ворвался въ Кіевъ со своими бандами, а затѣмъ на плечахъ петлюровцевъ вошли по прочищенной дорожкѣ большевики и безъ труда опрокинули самостійныхъ полубольшевиковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что при своемъ движеніи на Западъ и на Востокъ большевизмъ использовалъ бы до дна современное международное положеніе, столь сложное и напряженное послѣ 5 лѣтъ великой бойни.

Прежде всего онъ бы ринулся на Германію и Австро-Венгрію, возстановилъ бы въ нихъ спартаковцевъ и белакунавцевъ и использовавъ свѣжее чувство мщенія и реванша вмѣстѣ съ „Красной Германіей" устремился бы на Антанту.

А по пути имъ было бы использовано все—и ирландскій вопросъ, и греко-турецкая вражда, и рабочее движеніе въ Англіи, и Египетъ, и Индія... все во славу единаго Краснаго Молоха коммунизма.

При этой перспективѣ невольно задаешься вопросомъ: сумѣли ли бы западные народы выдѣлить изъ своей среды достаточное количество *бѣлогвардейцевъ*, ибо за всякія другія войска послѣ 5 лѣтъ войны и послѣ такого успѣха соціалъ-большевизма поручиться было бы нельзя,—для того чтобы противостоять остервенѣлымъ полчищамъ, несущимъ гибель и разрушеніе всей міровой цивилизаціи?

Вотъ почему дѣло Добровольческой Арміи нельзя разсматривать только какъ національно-русское дѣло, не касающееся просвѣщенной Европы. Подвигъ добровольца не только подвигъ за Отечество, за Россію, это подвигъ мірового значенія, равнаго которому не знаетъ исторія земли.

Русскій офицеръ-страстотерпецъ въ своей затрепанной сѣрой шинелишкѣ съ лицомъ изнуреннымъ непрерывными походами и жестокими боями съ несчетно-неравнымъ врагомъ, русскій офицеръ издавна оплевываемый, презираемый, высмѣиваемый нашей революціонной интеллигенціей,—этотъ русскій офицеръ встаетъ теперь передъ нами въ обликѣ свѣтлаго рыцаря, схватившагося съ *міровымъ зломъ* и отстаивающимъ истинную правовую и индивидуальную свободу человѣка и культурную жизнь на нашей планетѣ.

I

Что такое большевизмъ?

Откуда онъ взялся?

Каковы причины обращенія обыкновеннаго русскаго мужика-солдата, матроса, рабочаго—въ двуногаго звѣря, сохранившаго чаловѣческое сознаніе только настолько, сколько надобно, чтобы быть искуснымъ, разсудительно-хладнокровнымъ палачемъ?

Отвѣтить на эти вопросы намъ надо, во первыхъ, потому, что мы сами на своей шкурѣ изживаемъ это страшное и непонятное явленіе—большевизмъ,—и страдаемъ отъ него такъ, какъ никогда ни отъ какого нашествія не страдали наши предки.

Во вторыхъ, надо отвѣтить на эти вопросы во имя самой борьбы съ большевизмомъ. Вѣдь нельзя разумно и цѣлесообразно бороться съ тѣмъ, чего не понимаешь.

Такая борьба въ слѣпую будетъ напоминать ребенка, который бьетъ столъ, о который онъ ударился.

Отвѣтить надо еще и потому, что когда внѣшняя

борьба съ *красными*, борьба при посредствѣ пулеметовъ и танокъ окончится побѣдой Добровольцевъ,—намъ всѣмъ придется заняться отстройкой разрушеннаго Государства Россійскаго и созидать въ немъ жизнь на такихъ условіяхъ, чтобы повтореніе большевизма было немыслимо.

II

Большевиковъ проклинаютъ *всѣ*, за исключеніемъ боящихся заслуженной висѣлицы большевистскихъ комиссаровъ, разъѣзжающихъ по Петрограду и Москвѣ въ награбленныхъ автомобиляхъ и пирующихъ въ „чрезвычайкахъ", среди стоновъ, среди моря крови, голода и мерзости запустѣнія.

Простой русскій народъ давно уже проклинаетъ красныхъ, смотритъ на большевиковъ, какъ на какихъ-то сверхъестественныхъ палачей, посланныхъ ему на муку и испытаніе самимъ Антихристомъ.

Крестьяне при первомъ приближеніи добровольческихъ отрядовъ вѣшаютъ in corpore свои деревенскіе „комитеты бѣдноты".

Проклятія народа понятны: надъ нимъ народомъ-младенцемъ *довершается къмъ то давно задуманное, тщательно разработанное въ планѣ, злое дѣло.*

Но вотъ большевиковъ стали проклинать и нѣкоторые соціалисты.

Теперь даже появилась въ заграничной эмигрантской литературѣ, ставшей по капризу судьбы снова нелегальной, послѣдняя мода: печатныя проклятія большевикамъ отъ имени „старыхъ русскихъ революціонеровъ".

Проклинаютъ большевиковъ гг. революціонеры за то, что большевики, видите ли, испортили всю столь „прекрасно начатую" „великую россійскую революцію",

да такъ испортили, что „старые революціонеры“ авторы всего дѣла русской революціи и, такъ сказать, законные „владѣльцы фирмы“, остались въ революціонной Россійской Республикѣ безъ всякаго мѣста и вынуждены были, по старой сноровкѣ, но въ новой компаніи контръ-революціонеровъ — бывшихъ губернаторовъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ, —эмигрировать заграницу.

Утверждая, что большевики испортили все „прекрасное дѣло“ мартовской революціи „старые революціонеры“ говорятъ о большевикахъ такъ, какъ если бы большевики были какими то особыми существами, слетѣвшими съ планеты Марсъ прямо на Россію, гдѣ въ это время разводилось это самое прекрасное дѣло революціи...

Въ фантастическомъ романѣ англійскаго писателя Уэлса есть описаніе экспедиціи Марсіанъ на землю: въ особыхъ снарядахъ спустились полчища марсіанъ, сожгли города, опустошили села, разрушили мосты и желѣзныя дороги.

Но вѣдь большевики не иноземное нашествіе!

Большевики это все тѣ же, „товарищи солдаты“ „товарищи матросы“, „товарищи рабочіе“, съ которыми столько возились г.г. „старые революціонеры“ и въ февралѣ, и въ мартѣ, и въ іюнѣ, и въ іюлѣ — до октября 1917 года, передъ которыми они безъ конца и счету распинались на митингахъ, которыхъ они *такъ тщательно пропагандировали во все время войны, подготовляя къ революціи*.

Вотъ мы и приходимъ опять къ поставленному нами вначалѣ вопросу: что же такое произошло, что обратило обыкновеннаго русскаго мужика въ палача-большевика?

Откуда взялись большевики?

На этотъ *самый главный* вопросъ Г.г. старые революціонеры отвѣта не даютъ и дать его *не могутъ*, ибо, давая полный и искренній отвѣтъ, они должны *обвинять самихъ себя* въ тягчайшемъ преступленіи—въ растлѣніи народной души и доведеніи русскаго народа до большевизма; отвѣчая на этотъ вопросъ полностью, они должны въ своихъ печатныхъ анаѳемахъ большевикамъ прежде всего *проклясть самихъ себя*, ибо какъ Петлюра отворилъ ворота Кіева Раковскому, такъ Керенскій уготовилъ путь Ленину.

Въ исторіи все *преемственно*.

Нѣтъ чудесъ изъ рѣшета. Марсіане не сваливаются къ намъ на голову прямо съ неба.

Исторія революцій—это связь событій по этапамъ: событіе развертывается изъ событія, одно обусловливается другимъ.

Будущій лѣтописецъ усмотритъ эту родоначальную преемственность и скажетъ: прогрессивный блокъ роди „Комитетъ Думы"; „Комитетъ Думы" роди коалиціонный кабинетъ; коалиціонный кабинетъ роди эсъэровъ; эсъ-эры роди большевиковъ...

III

Только ротозѣямъ на митингѣ можно было говорить, что у *насъ* произошли двѣ революціи—одна перваго сорта, прекрасная, благотворная *мартовская*, другая—второго сорта плохая, пагубная—большевистская.

Для каждаго вдумчиваго человѣка совершенно ясно, что у насъ происходитъ *одинъ и тотъ же* революціонный процессъ, тянется все *одна и та же* революція и что большевизмъ есть лишь одна изъ ея фазъ.

Отдѣлываться отъ отвѣтственности за большевизмъ ссылками на „приказъ № 1", такъ же смѣшно, какъ увѣрять, что 200 пассажировъ запломбированныхъ

вагоновъ вдругъ въ нѣсколько недѣль перепортили весь 200 милліонный народъ, испакостили всю,—какъ увѣряютъ Г.г. „старые революціонеры“—„сознательно и всенародно“ начатую революцію, и обратили рабочихъ, крестьянъ и солдатъ въ коммунистовъ, приверженцевъ Кіентальской и Циммервальдовской программы.

Всѣ эти Троцкіе-Бронштейны, Нахамкисы, Луначарскіе, Апфельбаумы были извѣстны въ качествѣ соработниковъ по „общему дѣлу“, по Лозаннамъ и Бернамъ, г.г. Гоцу, Дану и прочимъ „старымъ революціонерамъ“.

Всѣ они до поры до времени были *однокашниками* въ одной Alma Mater, „великой революціи.„

И только для нихъ старыхъ революціонеровъ да для тѣсно переплетшихся съ нимъ чиновъ охраннаго отдѣленія Нахамкисы могутъ быть знаменитостями.

Для русскаго народа они были просто невѣдомыми пассажирами запломбированныхъ вагоновъ.

И, разумѣется, никогда бы эти 200 пассажировъ и всѣ милліоны марокъ германскаго генеральнаго штаба и сотни бумажонокъ въ родѣ „приказа № 1“ не смогли бы повлiять на весь народъ и превратить революцію 1-го сорта въ революцію 2-го сорта, еслибы *въ мартовской революціи съ самаго ея начала не таились элементы большевизма.*

Несложная тайна того, что произошло въ октябрѣ 1917 года заключаетя въ томъ, что „великая“ революція была совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ ее изображаютъ и расписываютъ Г.г. революціонеры-интеллигенты.

Революція въ дѣйствительности совсѣмъ не сошлась со шпаргалкой революціонеровъ, по которой они задали „классную работу“ русскому народу.

Въ то время какъ интеллигенты-устроители мар-

товскаго бенефиса кричали, что организуютъ революцію „для побѣды" подъ лозунгами „война до конца" „единеніе съ союзниками", народъ *только потому* и принялъ такое широкое участіе въ мартовскомъ дѣйствѣ, что видѣлъ въ немъ *единственную возможность немедленнаго мира.*

Главнымъ двигателемъ мартовской революціи, главной пружиной, обратившей петроградское возстаніе въ *революцію* было всеобщее утомленіе отъ войны, настойчивая жажда мира.

И первымъ слѣдствіемъ революціи было повальное, ни въ одну войну, никогда, небывалое дезертирство съ фронта.

Съ первыхъ же мартовскихъ дней у всѣхъ,—у солдатъ, у извозчиковъ въ городѣ, у крестьянъ въ деревнѣ, у мобилизованныхъ рабочихъ, только одно и было на устахъ, „ну вотъ, война кончена" „довольно повоевали, пора и замириться".

Только интеллигенты организаторы революціи, упрямо, заткнувъ уши отъ того, что говорится на улицѣ и въ деревнѣ, продолжали въ напыщенныхъ фразахъ говорить о „войнѣ до конца", и о томъ, что освободившійся революціонный-солдатъ „сознательно" разобьетъ и „другого тирана"—Вильгельма II.

Ни рѣчами Керенскаго, ни увѣщаніями членовъ думы ѣздившихъ на фронтъ, ни красными бантами, которые на себя нацѣпили Парскій, Гуторъ и другіе „революціонные генералы", нельзя было удержать развала фронта и дезертирства.

И тутъ стоило появиться кому нибудь, даже невѣдомому пассажиру запломбированныхъ вагоновъ и произнести волшебныя слова „немедленный миръ", и онъ становился вождемъ и желаннымъ героемъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что германскій генеральный штабъ,—послѣ того, какъ Россія до войны отклонила германскія предложенія, сдѣланныя черезъ посла Свербеева и графа Пурталеса вступить въ союзъ, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы, „развалить восточный фронтъ“ т. е. разложить Россію.

Начавшаяся во время тягчайшаго кризиса, который переживала въ февралѣ 1917 года изнемогающая Германія, русская революція окрылила нѣмцевъ, уже отчаявшихся въ успѣшности борьбы и находившихся наканунѣ полнаго пораженія и вселила въ ихъ с рдца новую надежду.

Германскій штабъ использовалъ наши событія и большевизмъ явился для него новымъ средствомъ военной борьбы.

Конечно германскія марки, отпущенныя милліонами, способствовали цементированію большевистско-анархическаго хаоса въ нѣкое „Совѣтское правительство“, заключившее Брестъ-Литовскій миръ и отдавшее плодородныя южныя губерніи Россіи на пожираніе изголодавшейся Германіи.

Тѣмъ не менѣе, все это нисколько не объясняетъ возникновенія, роста и неслыханнаго успѣха большевизма.

Германскій штабъ съ самаго начала войны прибѣгалъ къ разложенію непріятеля пропагандой. Кто бывалъ на войнѣ, помнитъ огромные плакаты съ надписями „русскіе, возвращайтесь домой“. „Мы ваши друзья. Васъ обманываютъ ваши начальники“ и т. д., которые выставлялись изъ нѣмецкихъ оконовъ.

Цѣлый дождь летучекъ и брошюръ съ подобными призывами сыпался на наши окопы съ нѣмецкихъ аэроплановъ.

Сообщали нѣмцы нашимъ войскамъ то, что до поры

скрывалъ нашъ штабъ, дабы не ослаблять духа бойцевъ,—обо всѣхъ неудачахъ происшедшихъ на другомъ участкѣ боя и даже на другихъ фронтахъ.

Это обычное военное средство. Къ нему прибѣгали и наши военачальники, обращаясь къ славянамъ, находившимся въ рядахъ арміи „Лоскутной“ австро-венгерской имперіи.

Но на до-революціонныхъ русскихъ солдатъ вся эта агитація не оказывала сколько нибудь значительного вліянія.

И еслибы русская революція была дѣйствительно тѣмъ нужнымъ и прекраснымъ „всенароднымъ дѣломъ“, какъ увѣряютъ гг. старые революціонеры, дѣломъ начатымъ только во имя побѣды, дѣломъ, которое должно было возродить Россію, которое подняло духъ націи,—то неужели 200 пассажировъ запломбированныхъ вагоновъ смогли бы его „испортить“, и превратить милліоны „сознательнаго революціоннаго народа“ въ простыхъ разбойниковъ, заключившихъ „похабный“ миръ?

IV

Дѣло не въ коварныхъ стараніяхъ германскаго штаба, не въ приказѣ № 1, не въ личности „народныхъ комиссаровъ“. Это—мелкіе факторы. Детали общей катастрофы.

Дѣло въ *крушеніи народной идеологіи*, въ опустошеніи народной души, произведенномъ революціей.

Революція явилась грандіозной катастрофой не только въ смыслѣ физическомъ, не только потому, что рухнулъ вѣками налаживаемый государственный аппаратъ и „разсыпалось царство“ на мелкіе кусочки въ видѣ множества „самоопредѣлившихся“ республикъ, но и огромной *катастрофой духа*.

Все, во что вѣрили русскіе люди, все, что столѣтіями почиталось священнымъ, завѣты, изъ за которыхъ умирали дѣды, прадѣды, и прапрадѣды—все это не только разомъ перестало существовать, но и было заплевано въ своей гробницѣ.

Вся исторія Россіи потеряла смыслъ и значеніе, оказалась никчемной.

Вѣдь Кутузовъ и Суворовъ только опричники; Пушкинъ—помѣщикъ „контръ-революціонеръ"...

Вѣра, церковь, святыни—выдумки „поповъ-дармоѣдовъ"...

Точно ураганъ пронесся по народной душѣ, вырвалъ, смялъ, покалѣчилъ все, что въ ней было живого, —оставилъ мертвую пустыню.

Съ русскимъ крестьяниномъ, съ русскимъ солдатомъ въ эпоху революціи случилось то, что бываетъ съ человѣкомъ, который сразу извѣрился въ чемъ нибудь особенно для него дорогомъ и важномъ.

Напримѣръ если мужъ, любившій свою жену и дѣтей, много лѣтъ трудившійся на нихъ, не разгибая спины вдругъ узналъ и повѣрилъ тому, что жена его обманываетъ и что дѣти не его. И тогда сразу для него пропадаетъ весь смыслъ трудовой и хорошей жизни, бросается онъ въ кабаки на гульбу, становится способнымъ на всякое злодѣйство.

Конечно, вовсе не каждый солдатъ прежней царской арміи былъ убѣжденнымъ монархистомъ. Здѣсь было не политическое credo, а чувство, инстинктъ. Каждый чувствовалъ надъ собой словно куполъ церковный, исторически-сложившуюся при прадѣдахъ русскую государственность, чувствовалъ, что она есть *законный порядокъ*, которымъ живетъ страна. Весной 17 года эта храмина исчезла, точно декорація въ балетѣ, и обыкно-

венный русскій обыватель, разомъ почувствовалъ себя въ безпредѣльной моральной пустотѣ.

Старыя духовныя цѣнности померкли. И въ немъ явилось сомнѣніе въ существованіи или вѣрнѣе въ необходимости какихъ либо духовныхъ цѣнностей. Онъ вступилъ въ полосу духовной и моральной анархіи, гдѣ властвуютъ только инстинкты. Понятіе о долгѣ было утрачено.

Мы далеки отъ обоготворенія русскаго народа, свойственнаго „народникамъ“ шестидесятыхъ годовъ и славянофиламъ, называвшимъ русскій народъ не иначе какъ „народомъ-богоносцемъ“.

Мы прекрасно знаемъ, что и прежде русскій народъ обнаруживалъ дикіе инстинкты, былъ способенъ на озвѣреніе, на жестокіе поступки, въ особенности въ дѣйствіяхъ толпы.

Конечно и прежде случалось, что русскій солдатъ дезертировалъ съ поля сраженія, мародерствовалъ, убивалъ начальника.

Но разница въ томъ, что поступая такъ прежде, въ дореволюціонное время, рускій солдатъ зналъ, что *совершаетъ преступленіе*, послѣ же революціи, когда наступили „свободы“, самое представленіе о недозволенномъ и преступномъ для него утратило всякое значеніе, ибо исчезъ всякій авторитетъ власти и *ощущеніе ея законности*.

„Сегодня посадили Сашку Керенскаго, завтра — не понравится — выгонимъ и посадимъ товарища изъ совдепа“.

„Теперь я самъ себѣ баринъ“.

Революція какъ бы аннулировала весь смыслъ отечественной исторіи, являвшейся строительствомъ величественной Имперіи Царей, которая осыпалась

такъ легко, что въ душѣ революціоннаго солдата одновременно съ моральной анархіей вспыхнуло острое чувство досады и гнѣва.

—„Для кого черта я четыре года маялся въ окопахъ?!“

Вѣдь въ окопы онъ пошелъ не изъ за „героической маленькой Бельгіи“ и „несчастной Сербіи“, которыхъ онъ не зналъ и которыми не интересовался, а по *законому приказу*. По такому же приказу его отецъ дрался подъ Плевной, а дѣдъ на Малаховомъ курганѣ, по такому же приказу и онъ, затянувъ „послѣдній нынѣшній денечекъ“ явился на мобилизацію въ 1914 году.

Понятіе „родина“ также совершенно расплылось въ сознаніи революціоннаго солдата въ 1917 году

Въ самомъ дѣлѣ, что такое для него„ солдата гражданина“, выбирающаго „командный составъ“ теперь родина?.

—Россія?!—позвольте, во первыхъ сознательные товарищи говорятъ, что „у пролетаріата отечества нѣтъ“ и это написано въ „демократическихъ“ книжкахъ.

А во вторыхъ—*какая* Россія? Съ буржуями или безъ буржуевъ?

„Соціалистическая Федеративная“ или буржуазная Республика?

Такой хаосъ понятій воцарился въ головѣ простого русскаго человѣка послѣ переворота 1917 года.

Этотъ хаосъ былъ инкубаторомъ: изъ него вывелся большевизмъ.

V

Въ городахъ, которые Добровольческая Армія вырываетъ изъ лапъ совѣтской власти, обнаруживаются слѣды неописуемыхъ звѣрствъ, совершенныхъ большевиками надъ ихъ плѣнниками контръ-революціонерами

и „буржуями“. Цѣлая серія фотографическихъ снимковъ, кинематографическихъ лентъ, протоколовъ увѣковѣчили потрясающую картину неслыханнаго озвѣренія человѣка.

При изслѣдованіи кладбищъ, гдѣ зарыты какъ попало, несчастныя жертвы чрезвычаекъ, находятъ останки въ видѣ разрозненныхъ частей тѣла запытанныхъ жертвъ подвергавшихся *четвертованію*.

Самое примѣчательное, что звѣрства совершались не въ пылу какого нибудь возбужденія, массового психоза, а съ холодной, искусной и обдуманной утонченностью.

Палачи видимо наслаждались страшными мученіями своихъ жертвъ—и соблюдали извѣстную выдержку гурмана-знатока, чтобы смерть не приходила слишкомъ скоро на выручку страдальцамъ. Чѣмъ то похожимъ на китайскій садъ пытокъ, изображенный Октавомъ Мирбо, вѣетъ отъ изуродованныхъ останковъ, отъ слѣдственныхъ протоколовъ и показаній свидѣтелей.

Въ Харьковѣ напримѣръ, любимой операціей членовъ мѣстной чрезвычайки было сниманіе „перчатокъ“ съ контръ-революціонеровъ.

Пытка производилась на подоконникѣ, на который притискивалась рука жертвы, затѣмъ производился глубокій надрѣзъ бритвой вокругъ кисти руки, въ видѣ браслета, подпарывалась кожа и затѣмъ *стягивалась съ руки кожаная перчатка*. Предназначенныхъ къ пыткѣ заставляли стоять въ очереди и смотрѣть какъ она производится. На одномъ изъ подоконниковъ Харьковской чрезвычайки найдена цѣлая груда такихъ окровавленныхъ перчатокъ.

Не менѣе изощренныя пытки примѣнялись и въ 1917 году. Такъ, въ Кронштадтѣ матросы отрѣзали ад-

миралу Вирену носъ и уши, водили его въ такомъ видѣ по городу и затѣмъ на морозѣ заливали холодной водой до тѣхъ поръ, пока не пришла избавительница-смерть.

Тогда же въ самомъ началѣ „безкровной„ мартовской революціи въ Петербургѣ, революціонеры ворвались въ квартиру больного пристава. На порогѣ ихъ встрѣтили колѣнопреклоненные малыши-дѣти пристава, умоляя пощадить отца. Дѣти были отброшены пинкомъ ноги, больной приставъ вынесенъ на диванѣ, на которомъ онъ лежалъ, на улицу, облитъ керосиномъ и подожженъ. Мученникъ сгорѣлъ вмѣстѣ со своимъ ложемъ подъ торжествующіе возгласы побѣдителей... И долго по переулку гдѣ производилась казнь стоялъ запахъ горѣлаго мяса...

Понадобился бы цѣлый многотомный трудъ для описанія пытокъ и казней совершаемыхъ съ холодной, обдуманной виртуозностью на всемъ протяженіи „великой россійской революціи“ съ первыхъ мартовскихъ дней 1917 года.

Мы знаемъ на какія жестокости порой былъ способенъ русскій мужикъ, помнимъ про кулачные бои, про дикія расправы съ конокрадами и пр. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ русскій народъ въ прежнія времена, особенно въ историческіе для государства моменты, обнаруживалъ крѣпкое сознаніе своего долга. Блистательные въ этомъ смыслѣ примѣры мы находимъ въ военной исторіи. Суворовскій переходъ черезъ Чертовъ мостъ, 1812 годъ, когда не только мужикъ но и баба поднялась и грудью своей отстаивали „престолъ и отечество“, Малаховъ Курганъ, Шипка, битва подъ Вафангоу, подвиги „Варяга“ и „Корейца“ въ Японскую компанію, и наконецъ Мазурскія Озера, Перемышль,

Галичъ, Львовъ—все священныя имена, съ которыми связано представленіе о высокой доблести, самоотверженности и благородствѣ русскаго солдата-мужика.

Единодушны въ этомъ отношеніи и отзывы русскихъ полководцевъ--Суворовъ называлъ русскихъ солдатъ чудо-богатырями, Кутузовъ обнималъ чуть ли не каждаго рядового въ строю и считалъ ихъ своими „ребятками", Скобелевъ—„орлами", Драгомировъ „святой сѣрой скотинкой".

Служба русскаго солдата, даже въ прежнія времена рекрутчины при Николаѣ I, носила, кромѣ отдѣльныхъ исключеній, характеръ долга, службы, „не за страхъ, а за совѣсть„.

Подтвержденіемъ этому являются безконечные примѣры самоотверженія, когда солдатъ, не щадя своей жизни, спасалъ жизнь своего командира-офицера, прикрывалъ его собственнымъ тѣломъ отъ удара, выносилъ изъ подъ огня, отдавалъ послѣдній сухарь, послѣдній глотокъ воды.

Въ послѣ революціонный періодъ мы наблюдаемъ въ русскомъ человѣкѣ страшную метаморфозу.

Онъ становится не только разбойникомъ но и звѣремъ и не простымъ звѣремъ, а утонченно-изысканнымъ и холоднымъ въ своемъ садизмѣ.

Того самаго командира-офицера, котораго онъ на своихъ плечахъ вынесъ раненымъ изъ огня боя въ 1916 году подъ Эрзерумомъ, онъ поднимаетъ на штыки подъ Тарнополемъ... въ 1917 году. Часто въ объясненіе этой жуткой психологической загадки говорятъ, что во всемъ виновата некультурность и „темнота", въ которой старый режимъ будто бы искусственно держалъ русскій народъ.

Такое объясненіе является совершенно несостоя-

тельнымъ. Во-первыхъ „темнотой“ можно объяснить только необузданыя дѣйствія толпы, когда напримѣръ, возставшіе крестьяне ворвавшись къ помѣщику рубятъ грушевыя деревья, вырѣзаютъ языки кровнымъ лошадямъ, ломаютъ на щепы рояли и т. д. но это объясненіе совершенно не подходитъ для обдуманныхъ, занявшихъ, болѣе менѣе *длительный промежутокъ времени* дѣйствій, каковы „революціонныя казни“, въ родѣ тѣхъ, что совершались на „Петропавловскѣ“ и спокойно размѣренныхъ пытокъ въ чрезвычайкахъ.

Во-вторыхъ революціонерами-вожаками и предсѣдателями во всякихъ трибуналахъ и комиссіяхъ по иниціативѣ и приговору которыхъ совершались наиболѣе жестокія и мучительныя казни, обыкновенно являются не рядовые темные мужики, сермяги и зипуны, а *полуинтеллигенты*, хватившіе кое что изъ соціалистической культуры, и презирающіе „несознательную“ деревенскую „темноту“.

Такъ самыми свирѣпыми палачами оказались матросы, *среди которыхъ неграмотныхъ почти нѣтъ*, и которые по роду своей службы являются наиболѣе цивилизованными и повидавшими свѣтъ солдатами русской арміи.

Предсѣдателями ротныхъ и полковыхъ комитетовъ, комиссарами, членами совдеповъ, трибуналовъ и комиссій бываютъ за рѣдкимъ исключеніемъ опять таки полуинтеллигенты военные писаря, шоферы, механики, техники, порою очень рѣчистые ораторы, съ большимъ вкусомъ употребляющіе иностранныя слова и умѣющіе разбираться въ соціальныхъ и политическихъ теоріяхъ.

На отвѣтственномъ революціонномъ посту встрѣтить безграмотную, бородатую, деревенскую сермягу почти невозможно.

Значитъ дѣло не столько въ отсутствіи культуры сколько въ привитіи неправильной, мнимой, злостно-тенденціозной культурности, которую воспріялъ нашъ народъ отъ революціонеровъ-учителей, отъ революціи.

Матросы водрузившіе на мѣстѣ потопленія офицеровъ въ Выборгѣ надпись „Офицерская школа плаванія", солдаты отправлявшіе начальниковъ въ „Штабъ Духонина" не были той, безграмотной толпой, которая не вѣдаетъ, что творитъ.

Такимъ образомъ мы видимъ *двоякое* воздѣйствіе революціи на психику русскаго человѣка.

Съ одной стороны полная утрата нравственнаго чувства и духовныхъ цѣнностей, во имя которыхъ стоитъ изъ за чего нибудь сдерживать и обуздывать свои темныя хотѣнія,—съ другой изощреніе инстинкта, выражающееся въ томъ, что революціонеръ не просто убиваетъ контръ-революціонера, но утонченно терзаетъ его, съ соблюденіемъ извѣстной мѣры, дабы отдалить смерть.

Это извращеніе психологіи, какъ бы „вывихъ души" явилось слѣдствіемъ не нѣсколькихъ мѣсяцевъ революціоннаго періода, а результатомъ длительной революціонной обработки.

Общеизвѣстный фактъ, что съ самаго начала войны существовали въ воинскихъ частяхъ и особенно во флотѣ, тайные революціонные комитеты, пріютившіеся въ учрежденіяхъ зем-союза, гор-союза и военно-промышленныхъ комитетовъ и занимавшіеся большей частью черезъ посредство сестеръ милосердія, санитаровъ, „партійныхъ" прапорщиковъ,—подготовкой будущихъ вожаковъ революціи.

Было обращено вниманіе на обработку главнымъ образомъ наиболѣе грамотныхъ и культурныхъ солдатъ-

техниковъ, шофферовъ, телеграфистовъ, ибо предполагалось, что темныя массы въ нужный моментъ автоматически примкнутъ къ вожакамъ изъ своей среды.

Сѣмена упали на благодарную почву, ибо узкая доктрина прочнѣе всего вклинивается въ мозгъ полуинтеллигента и обращаетъ его въ глухого ко всему фанатика.

Полуинтеллигентъ—всегда самый тупой и темный изъ всѣхъ темныхъ, ибо онъ принадлежитъ къ тѣмъ глухимъ, которые не слышатъ, потому что не желаютъ слышать. Разубѣдить полуинтеллигента, схватившаго какую нибудь идейку и прочитавшаго десятокъ тощихъ революціонныхъ брошюрокъ въ красной обложкѣ,—рѣшительно ни въ чемъ невозможно, ибо онъ считаетъ себя умнѣе всѣ ъ на свѣтѣ и открывшимъ политическую Америку.

Какъ собакъ дрессируютъ „на злобу", такъ и революціонная подготовка воспитала будущихъ неистовыхъ палачей Выборга, „Петропавловска" и инквизиторовъ „чрезвычаекъ".

Это было прямымъ слѣдствіемъ коммунистско-революціонной идеологіи, которая не знаетъ другихъ идеаловъ кромѣ „равноправія желудковъ" и въ которой совершенно *отсутствуетъ мораль.*

Всякая религія, всякое вѣроученіе утверждаетъ извѣстныя духовныя цѣнности,—революціонная догматика наоборотъ заботится только о *матеріальномъ*, о переустройствѣ общества, о распредѣленіи земныхъ благъ и ни слова не говоритъ о нравственныхъ императивахъ, которые она считаетъ „буржуазными предразсудками".

Такимъ образомъ революціонное ученіе сводится въ сущности къ *изощренному озвѣренію*, къ приведенію

человѣка въ состояніе ученаго животнаго, вооруженнаго стальными когтями.

Мы видимъ къ какому растлѣнію души человѣка это привело.

Мы знаемъ теперь, *кто* были *отцами* духовными нашего большевизма.

VI

Русская революціонная интеллигенція, къ которой принадлежатъ и авторы „печатныхъ проклятій“ большевикамъ, издавно полюбила позу Понтія Пилата.

Она традиціонно умываетъ руки отъ крови несчастной Россіи и ищетъ виновныхъ въ ея гибели далеко отъ себя, на сторонѣ.

Г.г. революціонеры-интеллигенты знаютъ только одну позу—позу обвинителя.

Они критикуютъ и обвиняютъ съ гордымъ челомъ и заявляютъ, что виноваты „они“, а не „мы“.

Такъ прежде Г.г. революціонеры-интеллигенты обвиняли во всѣхъ нестроеніяхъ государства Россійскаго, „гнилую бюрократію“.

И тогда они гордо дѣлили населеніе на мы“ и „они“, и обвиняли во всемъ „ихъ“, забывая, что „они“ „гнилая бюрократія“ всѣ эти прокуроры, слѣдователи, губернаторы, акцизные *та же русская интеллигенція*.

И такъ пріятно было обвинять и проклинать „ихъ“ „бюрократію“ изъ „прекраснаго далека“ изъ какой нибудь Лозанны или Латинскаго квартала, и проклявъ, завернуться въ свою тогу.

Но они не шли исправлять недочеты и замѣнять „гнилыхъ“ чиновниковъ-взяточниковъ, чиновниковъ-дураковъ, чиновниковъ-карьеристовъ своими бѣлоснѣжными персонами.

Этого они не признавали.

Они считали всякія исправленія и улучшенія вредными.

Они хотѣли взорвать „всю систему“ т. е. организовать революцію, которую по ихъ предположеніямъ можно было осуществить по опредѣленной строго-разработанной программѣ, пунктъ за пунктомъ, точно классную работу въ школѣ.

Поэтому они систематически проваливали въ государственной думѣ всѣ „органическіе“ законнопроекты, проводившіе въ жизнь государства какое нибудь улучшеніе.

Поэтому вся дѣятельность государственныхъ думъ сводилась къ зажигательной оппозиціонной болтовнѣ, а думскія дѣловыя комиссіи *пустовали* и хронически не могли собрать кворума.

Поэтому—съ величайшимъ стыдомъ приходится это писать,—въ 4-ой государственной думѣ накопилось *3000* неразсмотрѣнныхъ дѣловыхъ законопроектовъ, порой содержащихъ очень важныя и насущныя улучшенія и реформы.

Поэтому они, столь блистательно обвинявшіе въ военныхъ неудачахъ бюрократію и генераловъ, еще задолго до войны, въ 3-ей государственной думѣ, вмѣстѣ съ Гучковымъ и кадетами провалили законопроектъ военнаго министерства объ увеличеніи контингента новобранцевъ и усиленіи вооруженія въ виду возможности войны съ Германіей, издѣвались надъ указаніями о грозящей войнѣ, называли это шовинизмомъ и основывали повсюду пацифисткія лиги.

Поэтому они въ 1913 году, на учительскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ воспротивились предложенію правительства увеличить жалованье городскимъ и сельскимъ

учителямъ, заявивъ при этомъ „правительство хочетъ улучшить положенiе учителей и сдѣлать изъ нихъ довольныхъ своею судьбою тружениковъ,—*намъ же нужны недовольные люди*“.

Поэтому они и Распутина не убивали, а Столыпина убили, хотя какъ Плеве, Сипягина такъ и Столыпина, окруженныхъ охраной, убить конечно было гораздо труднѣе чѣмъ разгульнаго мужика, таскавшагося по кабакамъ и вертепамъ.

Словомъ вся ихъ дѣятельность велась по методу reductio ad absurdum, къ доведенiю недочетовъ стараго строя до положенiя смердящихъ язвъ; всякое ухудшенiе *было имъ нужно* и всякое улучшенiе *въ томъ числѣ и военныя побѣды въ эпоху великой войны* были вредны ихъ дѣлу.

И такъ обвиняя прежде, со спокойной душой и невозмутимой совѣстью, во всѣхъ неустройствахъ русской жизни старую бюрократiю, и стремясь только къ „взрыву системы“, революцiонеры-интеллигенты, теперь, когда этотъ взрывъ совершился en plein, опять обрѣли спокойную душу и невозмутимую совѣсть, опять встали въ позу Пилата, опять произнесли свое знаменитое „мы“ и „они“.

Они опять обвиняютъ...

Перемѣнились только подсудимые: прежде былъ бюрократъ, теперь красноармеецъ-большевикъ, нѣмецкiй штабъ и „запломбированные вагоны“.

Ура—виновный найденъ!

А они „дѣятели революцiи“ всѣ эти Рудневы, Рутенберги, Авксентьевы, Керенскiе, Гоцы, Либеры, Даны, „дѣдушки“ и „бабушки“ революцiи—ни при чемъ.

Чело ихъ по прежнему непорочно и на рукахъ ни единаго пятнышка крови!...

Но теперь рядовые русскіе люди, не-политики, не доктринеры, тѣ милліоны, которые страдаютъ нынѣ отъ голода, холода и убійствъ, не участвовавшіе во „взрывѣ системы“, предпочитавшіе терпѣть старые недочеты русской жизни, чѣмъ разрушать все государство, имѣютъ право спросить Г.г. „освободителей“: вы взрывавшіе „всю систему“, вы, старые революціонеры, вы разбившіе традиціонную идеологію русскаго мужика, что вы дали ему взамѣнъ поверженной вами его прежней идеологіи“?

Сумбуръ партійныхъ программъ, безконечно-вздорную болтовню, ни единаго разумнаго закона, ни единаго трезваго распоряженія, свору авантюристовъ-прохвостовъ и всякаго по вашимъ же словамъ политическаго „жулья“!

Развѣ не вы съ самаго перваго дня войны внушали ему революціонно анархическія идеи черезъ разсѣянныхъ вами десятками тысячъ агитаторовъ?

Развѣ не вашъ прапорщикъ-интеллигентъ, революціонный интеллигентъ, спеціально намѣченный вами для арміи, внушалъ солдату идеи безначалія, убѣждая его не подчиняться „распутинскому Петрограду“?

И послѣ того какъ, выражаясь на вашемъ паскудномъ языкѣ, солдатъ былъ достаточно „революціонно-обработанъ“, т. е. по просту анархически развращенъ, неужели вы смѣли разсчитывать, что онъ разучившись повиноваться законному приказу, пойдетъ умирать для вашего удовольствія по приказу „товарища Шурки“, авантюриста Керенскаго?

Вѣдь вы даже не поняли *почему* онъ принялъ участіе въ вашей „великой революціи“, воистину великой по безпримѣрности причиненнаго ею зла, и думали что его планы сходятся съ планами вашего политиканства!

Теперь вы шарахаетесь въ ужасѣ отъ „товарища-солдата“, съ которымъ вы такъ любили бесѣдовать шепоткомъ на революціонныя темы, вы требуете для него митральезъ отъ союзниковъ, вы бѣжите отъ него и отъ революціи за рубежъ, за-границу, подъ охрану буржуазной полиціи, бѣжите вмѣстѣ съ „черносотенцами“.

Напрасно вы проклинаете большевиковъ: *они ваши дѣти.* Вы ихъ законные родители.

Это вы, своей многолѣтней воистину-проклятой революціонной работой сдѣлали народъ, изъ котораго выходили Сусанины и Рябовы такимъ, что изъ него выходятъ Дыбенки.

Не проклинайте ихъ, иначе вы проклянете себя самихъ

Да впрочемъ и не очень вѣрится вашимъ проклятіямъ.

Правда гг. Рутенберги, Гоцы, Даны и Керенскіе персонально противъ Троцкихъ и Лениныхъ, мѣста которыхъ они могли бы занимать при перманентно-революціонномъ строѣ, но въ общемъ, вашему меньшевистскому и эсъ-эровскому сердцу *большевики все таки милѣе Колчака и Деникина.*

Недаромъ Керенскій въ Парижѣ съ такой яростью ведетъ компанію противъ Колчака, недаромъ вся его шайка проводитъ въ сущности истинно большевистскіе интересы, хлопоча передъ президентомъ Вильсономъ о снятіи блокады съ совѣтской Россіи.

Недаромъ меньшевики и эсъ-эры давно уже образовали вмѣстѣ съ большевиками „единный революціонный фронтъ“ противъ „надвигающейся реакціи“ и вошли въ Петроградѣ и Москвѣ въ большевистскіе совдепы, гдѣ встрѣчены какъ добрые пріятели, съ которыми произошло временное недоразумѣніе.

Недаромъ ваши городскія самоуправленія «эпохи Керенскаго» въ Кіевѣ при гетманѣ и въ Одессѣ при Гришинѣ-Алмазовѣ сохраняли тайный контактъ съ большевиками и заступничали за большевиковъ, присужденныхъ къ смертной казни.

Вы кричите о предательствѣ большевиковъ, а вы сами предали и Россію и союзниковъ и побѣду, ибо затѣяли революцію во время войны, наканунѣ самой полной побѣды, разложили нашу армію и заставили союзниковъ положить лишніе милліоны людей.

Вы возмущаетесь жестокостямъ и звѣрствамъ большевиковъ, но эти звѣрства начались при васъ, въ мартѣ 1917 года, въ вашу революцію, которую вы нагло назвали „безкровной", при васъ, при вашемъ господствѣ были замучены адмиралы Виренъ и Непенинъ, при васъ произошли избіенія офицеровъ на Петропавловскѣ, ужасы Выборга и убійства многихъ и многихъ командировъ частей въ Петроградѣ и другихъ мѣстахъ, которыя вы замолчали.

Вы осуждаете большевиковъ за репрессіи на печать и стѣсненіе свободы.

А развѣ вы въ мартѣ мѣсяцѣ не закрыли всю правую печать? Ну, а большевики закрыли *вашу*, которая имъ казалась правой.

Развѣ вы не заточали въ тюрьму за убѣжденія, развѣ вы не арестовали всѣхъ, кого удалось вамъ изловить, изъ депутатовъ консервативнаго крыла государственной думы?

Во всемъ вы отцы большевиковъ, а красноармейцы законные ваши дѣти.

Вы хотите и теперь отыграться, на „мы" и „они", вы стараетесь и теперь на развалинахъ, разрушенной

вашей проклятой революціей Великой Россіи стоять въ позѣ Понтія Пилата,—но это вамъ не удасться!

Когда Россія будетъ возрождаться народъ именно въ васъ старыхъ и новыхъ революціонерахъ, въ меньшевикахъ и большевикахъ, въ соціалистахъ всякаго толка, признаетъ своихъ совратителей, своихъ духовныхъ отцовъ доведшихъ его до большевизма.

Большевики черви-могильные.

Но могильные черви не бываютъ причиной смерти того, чей трупъ они пожираютъ.

Россію убила революція,—большевики лишь ея гнилостная стадія.

И когда Россія, по слову Господню, возстанетъ изъ гроба, то и отцамъ и дѣтямъ большевизма, не будетъ мѣста въ ея новой и свѣтлой жизни.